

А.А. Кауфман

**Очерк крестьянского
хозяйства в Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
А11

А11 **А.А. Кауфман**
Очерк крестьянского хозяйства в Сибири / А.А. Кауфман – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 96 с.

ISBN 978-5-458-55017-8

ISBN 978-5-458-55017-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Настоящій очеркъ представляетъ собой съ небольшими лишь дополненіями, перепечатку главы «о крестьянскомъ хозяйствѣ», написанной авторомъ для книги: «О Сибири и великой Сибирской желѣзной дорогѣ», изготовленной Министерствомъ Финансовъ для всемірной выставки въ Чикаго. Такимъ назначеніемъ объясняются и нѣкоторые существенные пробѣлы, которые читатель усмотритъ въ этомъ очеркѣ: въ немъ ничего не говорится о такихъ важныхъ сторонахъ экономической жизни сибирскаго крестьянства, какъ переселеніе, ссылка, приисковыя работы, податное обложеніе и нѣкоторые другія; не говорится частью потому, что эти вопросы разсматриваются въ другихъ отдѣлахъ упомянутой выше сводной работы, частью—въ виду крайней ограниченности предоставленнаго въ распоряженіе автора мѣста.

Если, несмотря на это, авторъ рѣшается выпустить предлагаемый очеркъ отдѣльною брошюрой, то онъ руководится при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что при почти полномъ отсутствіи доступной для публики болѣе широкой литературы по вопросу о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Сибири, и этотъ очеркъ, при всей его неполнотѣ и краткости, можетъ, хотя бы въ нѣкоторой степени, способствовать разсѣянію тѣхъ предразсудковъ и общихъ мѣствъ, которыми даже въ образованной части нашего общества замѣняется по отношенію къ Сибири точное знаніе.

Главными источниками при составлении настоящего очерка послужили: 19 выпусковъ «Материаловъ для изучения быта государственныхъ крестьянъ въ Западной Сибири» и «Материалы по изслѣдованію крестьянскаго хозяйства Иркутской губерніи», работа С. И. Коржинскаго «Объ Амурѣ какъ земледѣльческой колоніи» и нѣкоторыхъ другихъ; по окраинамъ Сибири (кроме Амура) матеріалъ оказался далеко недостаточнымъ. благодаря чему по отношенію къ этимъ окраинамъ пришлось ограничиться немногими общими замѣчаніями. Съ другой стороны, весь имѣющійся матеріалъ, давая возможность представить довольно полную описательную характеристику крестьянскаго хозяйства всей наиболее населенной полосы Сибири, не даетъ, однако, сколько нибудь полныхъ и достовѣрныхъ валовыхъ цифръ (размѣровъ запасекъ и количества производимаго хлѣба, численности скота, размѣровъ промысловъ и т. п.), почему авторъ и предпочелъ воздержаться отъ включенія въ свое изложеніе подобнаго рода цифръ.

Въ заключеніе авторъ считаетъ деломъ выразить свою искреннюю признательность высокоуважаемому П. П. Семенову, совѣты котораго много помогли ему при составленіи плана настоящаго очерка и при окончательной его редакціи, а указанія относительно окраинъ Сибири значительно дополнили пробѣлы въ собственныхъ свѣдѣніяхъ автора.

Апрѣль. 1893 г.

Вся земля въ Сибири, какъ совершенно пустошорожня, такъ и заселенная крестьянами русскаго происхожденія, или занятая аборигенами края — инородцами разныхъ племенъ и категорій, считается казенною, составляетъ собственность государства. Единственное болѣе крупное исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ земли Кабинета Его Величества, охватывающія южную, лучшую половину Томской губерніи, извѣстную подъ именемъ Алтайскаго горнаго округа, а затѣмъ нѣкоторые менѣе значительные участки. Другими исключеніями являются небольшія дачи, пожалованныя и проданныя въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ собственность различнымъ частнымъ лицамъ, земли монастырей, городскихъ обществъ и т. п. Но всѣ эти разнообразныя виды землевладѣнія и по сравнительно ничтожному пространству, и по своему экономическому значенію совершенно исчезаютъ въ огромной массѣ казенныхъ земель. На пожалованіе и продажу земельныхъ участковъ частнымъ лицамъ въ 50-хъ годахъ возлагались, правда, большія надежды: думали, что изъ этихъ участковъ разовьются помѣщичьи имѣнія, которыя будутъ персодовыми піонерами прогресса селско-хозяйственной культуры. Но ожиданія эти не оправдались: частныя владѣльцы, за единичными исключеніями, нигдѣ не завели правильнаго хозяйства, а

частью эксплуатируютъ свои имѣнья путемъ сдачи земли въ аренду крестьянамъ, частью совершенно забросили ихъ и не извлекаютъ изъ нихъ никакого дохода.

Изъ земель какъ казеннаго, такъ и кабинетскаго вѣдомства очень значительная по протяженію часть, — почти исключительно лѣса и пространства, непригодныя для земледѣльческой культуры, — состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи и распоряженіи казны и кабинета, которые извлекаютъ изъ нихъ доходъ путемъ продажи на срубъ лѣса, а также — сдачи въ аренду покосовъ, пастбищъ, рыболовныхъ статей и т. п.; другая часть, огромная по пространству, но совершенно ничтожная по количеству живущаго на ней населенія и способности къ культурѣ, — именно весь крайній сѣверъ Сибири — представляетъ собою огромныя лѣсныя пространства — урманы, тайги и тундры и вообще дикія мѣста, частію совершенно пустопорожныя, частію состоящія въ безпорядочномъ пользованіи малочисленныхъ племенъ бродячихъ инородцевъ; наконецъ, всѣ лучшія земли, наиболѣе пригодныя для земледѣлія и скотоводства, состоятъ въ пользованіи крестьянъ и болѣе культурныхъ племенъ инородцевъ. Изъ нихъ послѣдніе пользуются землею, главнымъ образомъ, на основаніи простой давности фактическаго владѣнія или на основаніи старинныхъ документовъ, имѣющихся у довольно многихъ инородческихъ общинъ; что касается до крестьянъ, то основанія ихъ землепользованія представляются весьма разнообразными: дѣятельность правительства по упорядоченію крестьянскаго землепользованія, продолжающаяся уже нѣсколько десятилѣтій, до сихъ поръ далеко не закон-

чена, и потому есть еще не мало крестьянскихъ общинъ и даже цѣлыхъ волостей, фактическое землепользованіе которыхъ не очерчено никакими опредѣленными границами: крестьяне живутъ среди казенныхъ земель и пользуются послѣдними въ такомъ размѣрѣ, какой допускается ихъ рабочею силою и размѣрами капитала; они пашутъ, косятъ, рубятъ лѣсъ, ловятъ рыбу вездѣ, куда только «топоръ, коса и соха ходятъ». Но большая часть крестьянскаго населенія пользуется землею уже въ опредѣленныхъ, хотя и не имѣющихъ окончательнаго юридическаго значенія границахъ: въ Сибири еще не было окончательнаго поземельнаго устройства, подобнаго тому, которое установило поземельныя отношенія въ Европейской Россіи, но большей части крестьянскаго населенія земля отведена въ количествѣ, соотвѣтствующемъ пропорціи 18 десятинъ на душу мужскаго пола по даннымъ X ревизіи (1859 года) съ прибавкой, гдѣ возможно, еще 3 десятинъ для ссыльно-поселенцевъ. При этомъ въ однихъ случаяхъ отводъ земли дѣлался на цѣлую волость съ населеніемъ отъ 4—5 до 12—15 тысячъ душъ, въ другихъ—отдѣльно на каждое селеніе, въ третьихъ на небольшія группы, по нѣскольку селеній въ каждой. Въ первомъ случаѣ территорія цѣлой волости обводилась одною общою межей, внутри которой крестьянамъ всѣхъ селеній предоставлялось, по усмотрѣнію пользоваться землею совмѣстно или разграничиться по обоюдному соглашенію на отдѣльныя дачи для селенія дачи; во второмъ случаѣ, такія дачи для селеній нарѣзывались правительственными землемѣрами: волость, слѣдовательно, совершенно утрачивала поземельное единство и сохраняла только адми-

нистративное значеніе; наконецъ, въ третьемъ случаѣ и волость, и селеніе оставались только административными единицами, а поземельною единицею становилась группа селеній.

Пользованіе землей внутри каждой отдѣльной, болѣе или менѣе крупной поземельной единицы также организовалось весьма разнообразными способами.

Правда, русскій крестьянинъ всегда и всюду,—по крайней мѣрѣ, въ изслѣдованныхъ частяхъ Сибири—приносилъ съ собою общинный принципъ и даже прививалъ его инородцамъ, но этотъ единый принципъ облакался въ самыя разнообразныя формы. Это и понятно: формы землевладѣнія, если не вполне, то въ значительной мѣрѣ являются функціей плотности населенія и относительнаго изобилія земли, а въ этомъ отношеніи Сибирь представляетъ, какъ извѣстно, чрезвычайное разнообразіе: наряду съ мѣстностями, гдѣ земли до сихъ поръ еще гораздо больше, нежели можетъ обработать населеніе, есть, особенно въ Западной Сибири и въ частности въ Тобольской губерніи, не мало и такихъ мѣстностей, гдѣ дѣйствительно удобной для культуры земли приходится не больше 6—8 десятинъ на наличную мужскую душу; а есть и такія мѣстности, гдѣ культурную землю приходится создавать путемъ искусственнаго орошенія или, наоборотъ, путемъ удаленія избыточной влаги. Въ то время, далѣе, какъ однѣ мѣстности, богатая пахатною землею, страдаютъ отъ недостатка сѣнокосовъ или отъ безлѣся, другія, наоборотъ, представляютъ собою сплошную лѣсную глушь или очень богаты сѣнокосами и пастбищами, но мало удобны для земледѣльческой культуры. Ясно, что всѣ эти и подобныя раз-

личія не могли не отразиться на формахъ землепользованія; эти формы представляютъ собою въ Сибири непрерывный рядъ, позволяющій прослѣдить, какъ происходило, подъ вліяніемъ сгущенія населенія, постепенное развитіе порядковъ землепользованія; понятенъ, при такихъ обстоятельствахъ, высокій интересъ изученія сибирскихъ земельныхъ порядковъ,—этого живаго осколка исторіи первоначальныхъ формъ землепользованія. Здѣсь, конечно, нѣтъ возможности коснуться этихъ порядковъ иначе, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризовать важнѣйшіе типы землепользованія, соотвѣтствующіе главнымъ ступенямъ, черезъ которыя проходитъ постепенное заселеніе края*).

Въ мѣстностяхъ, сравнительно недавно и очень рѣдко заселенныхъ,—главнымъ образомъ въ Восточной Сибири и на Амурѣ—господствуетъ такая форма землепользованія, которая по внѣшности представляетъ много сходства съ подворнымъ, личнымъ землевлѣдѣніемъ (еще болѣе съ германскою *Markverfassung*); община здѣсь еще не успѣла сформироваться или, если и существуетъ, не имѣетъ надобности проявлять своей власти: земли такъ много, что каждый желающій можетъ распахать, выкосить, занять подъ огородъ или загородить подъ выгонъ любое пространство, никого этимъ не стѣсняя, и вотъ образуются, такъ называемыя, *заимки*, иначе—хутора: каждый крестьянинъ, хотя бы и имѣющій домъ въ деревнѣ, строитъ себѣ на полѣ или въ лѣсу постройки, въ кото-

*) Для лицъ, интересующихся вопросомъ о формахъ землевлѣдѣнія въ Сибири, мы позволимъ себѣ указать на наши статьи по этому вопросу въ «Русской Мысли» 1890 г., Ноябрь, и въ «Вѣсти Европы» 1893 г., Іюнь

рыхъ живетъ лѣто, а иногда и весь годъ, и вся земля, окружающая эти постройки, становится его заимкою; его исключительною принадлежностью*), гдѣ онъ одинъ пашетъ, коситъ и пасетъ скотъ. Права хозяина на «заимку» почти не ограничены, почти совпадаютъ съ правами собственника: онъ владѣетъ въ предѣлахъ не только тою землею, которую онъ дѣйствительно въ данное время обрабатываетъ, но и тою, которая лежитъ впустѣ, и этой земли никто, кромѣ заимочника, не можетъ эксплуатировать; заимочная земля переходитъ по наслѣдству, можетъ продаваться и сдаваться въ аренду (хотя это право ввиду изобилія свободныхъ земель, рѣдко находитъ случай осуществиться),—никто не стѣсняетъ заимочника въ отно-сящихся до его земли дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ.

Размѣръ «заимки» зависитъ исключительно отъ степени благосостоянія каждаго даннаго хозяина: заимка богача обхватываетъ 500, 1000 и болѣе десяти-нъ, средній хозяинъ «занимаетъ» десятинъ 50—60, бѣднякъ — какія нибудь 5—10 десятинъ, но бѣднякъ не можетъ имѣть претензій на богача потому, что и ему, бѣдняку, никто не мѣшаетъ захватить хоть 1000 десятинъ изъ свободной земли.

Но вотъ насталъ моментъ, когда свободныхъ зе-мель,—по крайней мѣрѣ доброкачественныхъ, боль-ше не осталось: всякій удобный клочекъ земли во-шелъ въ составъ той или другой «заимки», а между тѣмъ подрастающее и прибывающее со стороны на-селеніе требуетъ и себѣ земли. Тогда «заимочная» форма, основанная на избыткѣ земли, очевидно, те-

*) «Заимка» въ смыслѣ фактическаго землепользованія вполне возможна, впрочемъ, и безъ построекъ.

ряетъ свой *raison d'être*, и постепенно водворяется новая, «вольная» форма пользованія. Сущность этой формы, наблюдаемой, главнымъ образомъ, въ Томской и Тобольской губерніяхъ, состоитъ въ томъ, что каждый имѣетъ право лишь на ту землю, *въ которую онъ влагаетъ свой трудъ, и лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ея влагаетъ*: крестьянинъ владѣетъ пашней, пока онъ ее пашетъ и заѣваетъ, но какъ только онъ ее оставилъ отдыхать, земля становится «вольною» и ее можетъ распахать вновь каждый желающій; на сѣнокосныхъ мѣстахъ трава, выросшая безъ помощи чьего либо труда, — «вольная»: каждый косить, гдѣ хочетъ, и только сѣно становится собственностью того, чьимъ трудомъ оно заготовлено; «воленъ» и доступенъ для всѣхъ и лѣсъ: и только тотъ можетъ завладѣть въ свое исключительное пользованіе участкомъ лѣса, кто окопалъ его канавой, очистилъ его отъ сучьевъ и вообще затрачиваетъ свой трудъ, чтобы оберечь его отъ пожара; «вольны», наконецъ, и пастбища: каждый можетъ пасти свой скотъ по всему пространству, предназначенному общиною для этой цѣли, но никто не можетъ загородить ни одного клочка пастбища въ свое исключительное пользованіе. Въ то время, такимъ образомъ, какъ «заимочная» форма пользованія основана, главнымъ образомъ, на началахъ захвата и давности, и лишь на второмъ мѣстѣ — на трудѣ, въ «вольной» формѣ на первый планъ выступаетъ трудовое начало, а начала захвата и давности теряютъ почти всякое значеніе.

«Заимочная» и «вольная» формы пользованія до сихъ поръ господствуютъ въ большей части Сибири; но по мѣрѣ сгущенія населенія и исчезновенія избыт-

ка земли сравнительно съ трудовою нормою, и «вольная» форма начинаетъ дѣлаться столь же стѣснительною для прибывающаго населенія, какъ когда то оказалась «заимочная» форма, и тогда постепенно, цѣною тяжелой борьбы между различными входящими въ составъ общины группами крестьянства, совершается переходъ къ сопряженной съ передѣлами общинной формѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Переходъ этотъ начинается обыкновенно съ того вида угодій, въ которомъ въ каждой данной мѣстности чувствуется сравнительно наибольшій недостатокъ; напротивъ, «вольное» и «захватное» пользованіе дольше всего удерживается по отношенію къ тѣмъ угодьямъ, которыхъ въ данной общинѣ много, а также къ тѣмъ, обращеніе которыхъ подъ культуру требуетъ особенно большихъ затратъ труда: гдѣ мало пашень, а изобилуютъ луга, тамъ переходъ къ передѣлу начинается поэтому съ пашень. Иногда передѣлъ начинается съ лѣсовъ или кедровниковъ, но чаще всего недостатокъ въ угодьяхъ начинаетъ обнаруживаться съ покосовъ, которые поэтому во многихъ мѣстахъ передѣляются уже издавна, въ то время, когда по отношенію къ пашнямъ до сихъ поръ продолжаетъ господствовать вольное или захватное пользованіе. Самыя формы передѣла, встрѣчающіяся въ Сибири, весьма разнообразны: по отношенію къ сѣнокосамъ вездѣ, а, гдѣ сравнительно много пашень, тамъ и по отношенію къ этому виду угодій, господствуютъ способы передѣла, совершенно отличные отъ тѣхъ, которые выработаны общиною Европейской Россіи. Главная отличительная особенность сибирскихъ передѣловъ,—это отсутствіе дѣленія пашень на поля, а